

ЧЭНЬ ЯНЬ

главный герой

ТОМ 2

主角

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ

Москва
2023

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)
Ч978

*Права на издание данной книги предоставлены
ООО «Генеральное издательство Шэньсийского
педагогического университета»*

Чэнь Янь

Ч978 Главный герой. Иллюстрированное издание. — [пер. с кит. Т. Н. Знаменская]. — Том 2. — М.: «Издание книг ком», 2023. — 656 с., ил.

ISBN 978-5-907733-12-1

ISBN 978-5-907733-10-7 (Том 2)

«Главный герой» — один из романов трилогии шэньсийского писателя Чэнь Яня. Роман был впервые опубликован в одиннадцатом выпуске журнала «Народная литература» в 2017 году и сразу же был издан в формате книги в 2018 году.

В книге автор живым языком рассказывает историю жизни знаменитой театральной актрисы И Циньэ, посвятившей классической оперной сцене около полувека, о её непростых отношениях с коллегами, о её трагедии в семье, и о её всепоглощающей страсти к искусству — к опере циньцян — жанру, имеющему многовековую историю с многочисленными взлётами и падениями. Это трогательная, захватывающая история о судьбе человека, написанная в жанре классического китайского романа с сохранением местного колорита, и это — настоящая «китайская история».

В трилогии Чэнь Яня также входят роман «Декоратор» и сборник «Рассказы из Сицзина».

УДК 82-3(510)
ББК 84-44(5Кит)

ISBN 978-5-907733-12-1
ISBN 978-5-907733-10-7
(Том 2)

© Чэнь Янь, 2023
© ООО «Генеральное издательство
Шэньсийского педагогического
университета», 2023

Глава 22

Радостная новость об И Циньэ дошла до Цзюяньгоу вечером того дня, когда она вернулась из столицы.

В тот вечер И Маоцай, отец И Циньэ, пригнал коз из другой деревни, зашёл домой, достал из кармана брюк десять купюр по десять юаней и разложил их перед своей женой Ху Сюин. Ху Сюин разогрела вина из сахарного тростника, приготовила яичницу, пожарила во фритюре щедрую горсть арахиса и поставила яства мужу, а сама села рядышком и стала пересчитывать купюры. Хотя их было всего десять — считать особо нечего — она всё равно, обмакивая палец слюной, пересчитала их раза три-четыре. Досчитав, поднесла деньги к лампе, рассмотрела каждую купюру на свету и наконец сказала:

— Много ли ещё у нас будет таких радостей?

И Маоцай сказал:

— Много, конечно, много. Сверху говорят, что у низов должно приумножаться семейное благосостояние. У каждого есть свои обязанности, свои цифры. Говорят, в нашем и в соседних уездах продвигают разведение бурских коз. Сверху постоянно отправляют инспекторов с проверкой. Если фактическое коз у фермеров не совпадает с числом, указанным в документах, фермерам приходится брать коз из соседних деревень «напрокат». Так что наши козочки пользуются спросом.

Муж с женой громко рассмеялись. Ху Сюин, не в силах удержать свой хохот, стукнула мужа кулаком по спине.

В этот момент из радиодиприёмника вдруг зазвучала опера. Ху Сюин сказала:

— Слушай, слушай! Говорят, какая-то И Циньэ выиграла главный приз. Тихо!

И Маоцай, в этот момент жевавший арахис, замер и стал внимательно слушать.

Диктор говорил: «... труппа провинциального театра оперы *цинъюань* вернулась из столицы после выступления с пьесой “Путешествие по озеру Сиху”, получив первый приз во всекитайском театральном конкурсе ...»

— И Циньэ... — с сомнением в голосе пробормотал И Маоцай.

Ху Сюин стала второпях ему объяснять:

— Это наша Чжаоди. Саньюань давно ещё говорил, что Чжаоди сменила имя.

— Это я знаю. Но И Циньэ — это разве и есть наша...

— Да тихо ты. Слушай!

Диктор продолжал: «“Путешествие по озеру Сиху” — это традиционный, классический сюжет в жанре *цинъюань*. Многие поколения исполнителей оперы *цинъюань* кровью и потом достигали невероятных высот мастерства и передавали своё искусство потомкам. Приняв решение участвовать в этом конкурсе, наш провинциальный театр взял на себя огромную ответственность за возрождение оперы *цинъюань*. Спектакль был подготовлен лучшими специалистами и исполнен на сцене совершенно новым составом. Кроме того, для жителей столицы был дан замечательный отчётный концерт. В каждой сцене гром аплодисментов раздавался около сотни раз! После показа на сцене Чжуннаньхая спектакль получил признание и положительные отзывы от партийных и государственных деятелей, а также от многих экспертов в области театрального искусства из Яньаня. Опера *цинъюань* поистине прекрасна! Исполненная торжественной красоты и величия, она обладает всепобеждающей силой. Говорят, вновь пришла пора её расцвета!

Спектакль “Путешествие по озеру Сиху” занял первое место на всекитайском конкурсе, а И Циньэ, актриса, исполнившая главную роль, получила первый приз за лучшую актёрскую игру. Далее в нашей программе фрагмент из “Путешествия по озеру Сиху” в исполнении И Циньэ. Приятного прослушивания!»

Услышав это, Ху Сюин и И Маоцай чуть не прослезились. Они до сих не осмеливались сделать вывод, что И Циньэ, завоевавшая первую премию во всекитайском конкурсе, — это и была их младшая дочь И Чжаоди, взявшая в Нинчжоуском оперном театре псевдоним И Циньэ.

Наконец на фоне музыкального сопровождения зазвучал женский голос: «Тяжко...»

Не успел он допеть первое слово, Ху Сюин громко зарыдала.
— Маоцай, эта она, наша Чжаоди-и-и!

И Маоцай, услышав голос дочери, тоже прослезился. Утирая слёзы Ху Сюин, он сказал:

— Тсс, слушай!

*Разбушевдалась ненависть на три тысячи чжанов,
Душу безвинно погибшей переполняет обида...*

...

Они даже представить себе не могли, что через столько лет после ухода из дома Чжаоди станет такой прекрасной артисткой. В прошлом И Маоцай сам играл в театре теней и слушал бесчисленное количество спектаклей. Как и других, с началом «Культурной революции» его вытравили из театра теней, и с тех пор он не играл. Бог знает, сколько пьес он переслушал из своего старенького радиоприёмника, висевшего на стене. «Ян Пайфэн» и «Легенду о Белой Змее», в которых играла Чжаоди, будучи ещё в уездном театре, он тоже слышал. Но сегодня местное радио транслировало программу провинциальной народной радиостанции, а в эфире провинциальной радиостанции звучал голос Чжаоди! Она пела в радиоспектакле! И пела так

красиво, так тонко и проникновенно, что невозможно было слушать без слёз.

Он подумал: девочка совсем повзрослела. Что касается взросления, он чувствовал себя немного виноватым перед ней. Какой вклад он внёс в её воспитание и взросление? С ним она стала бы простой пастушкой. И при том она пасла овец для своей семьи. Начала в возрасте шести-семи лет и пасла до одиннадцати лет, до того момента, как она покинула Цзюяньгоу. В то время он ещё переживал, что девочку никто не возьмёт замуж. Простая пастушка: ни воспитания, ни образования, ни профессии — какой с неё толк? В то время он возлагал все надежды на старшую дочь Лайди: она, в отличие от Чжаоди, по крайней мере, любила учиться и не прогуливала уроки. Он собирался отдать её в среднюю школу, чтобы потом она смогла стать учителем и работать в начальной школе. Неожиданно Ху Саньюань указал младшей дочери путь в оперу. Поначалу И Маоцаю идея не понравилась, потому что, считал он, учиться театральному мастерству слишком тяжело. Но после долгих размышлений он всё же согласился: так в семье хотя бы будет на один рот меньше. Кто бы мог подумать, что эта девочка поедет в Пекин и будет выступать в Чжуннаньхэ! Это ведь раньше был Запретный город!¹ В прошлом, если артист выступал в Запретном городе перед вдовствующей императрицей Цыси, то после его возвращения ему чуть ли не храм воздвигали.

Чем больше И Маоцай думал об этом, тем больше осознавал масштаб события. Он был в таком шоке, что собрался бежать на кладбище жечь на могилах отца, деда и прадеда ритуальные бумажные деньги. Он боялся, что ему, несчастному, выпало слишком большое счастье, которого ему не вынести. Почив-

¹ Запретный город — обширный дворцовый комплекс в центре Пекина, служивший местом жительства императоров и членов их семей, а также церемониальным и политическим центром китайского правительства. Никто не имел права входить сюда и уходить отсюда без разрешения императора.

шие отец и дед тоже выступали в театре теней и знали, какая это честь — побывать в столице и выступить в Чжуннаньхае. А никчёмная жена только и знала, что рыдать, прильнув ухом к радиоприёмнику. Послушав голос дочери и поплакав, она стала корить себя: пока девочка была дома, она не верила, что из неё может вырасти толковый человек. Она велела ей, шести- или семилетней, пасти овец. А когда девочке исполнилось одиннадцать, мать отправила её изучать оперу, чтобы она смогла чтобы заработать себе на жизнь. И, кажется, даже не дала ей с собой ни копейки. В двенадцать лет девочка приехала домой, накупив вещей для своей семьи. С тринадцати лет она каждый год высылала своей семье деньги: сначала пять-десять юаней, потом десять-двадцать юаней, потом тридцать, сорок, пятьдесят. А теперь вот пришло сто юаней...

— Мы не заслуживаем такую дочь, — сказала мать.

От этих слов И Маоцай тоже немного взгрустнул. Он тайком вытер слёзы, затем взял жертвенную бумагу и вместе с Ху Сюин отправился на кладбище. Они встали на колени перед могилами предков и во всех подробностях поведали им о событии. Потом запустили петарды, сделав девять выстрелов.

В тот вечер новость о победе И Циньэ стала в Цзюяньгоу притчей во языцех.

Той ночью в Цзюяньгоу светила полная луна, так что в домах не зажигали ламп — все сидели у дверей и занимались мелкими домашними делами: мужчины чинили плуги и грабли, плели бамбуковые корзины и соломенные сандалии. Женщины делали подошвы для сандалий, рукодельничали, стирали. Все местные заметили, что у могилы предков и Маоцай было какое-то движение: подожгли жертвенные деньги и ни с того ни с сего начали взрывать петарды. Целых девять петард! Если столько стреляют, значит, в семье произошло большое радостное событие. Все стали считать, загибая пальцы, земляков, добившихся успеха за последние несколько лет: сын Чжана стал заместителем волостного старшины; сын Сюна стал заместителем начальника

управления и перебрался с женой в уезд; сын Сая устроился посыльным в Бэйшаньском районном парткоме. Теперь вот взошла звезда И Циньэ, выступившей в Запретном городе. Это говорит о том, что в Цзюяньгоу всё по фэншую. Все судачили, мол, девчонка-то из семьи И смышлёная: ещё совсем маленькая была, а уже пасла овец. Родители не успевали управляться, и она им помогала. Теперь и на их улице настал праздник: теперь её родителям самое время ехать в провинцию отмечать триумф дочери. Поистине, наши земляки проявили себя в каждой отрасли!

Утром третьего дня в Цзюяньгоу прибыл волостной секретарь и принёс газеты с новостями из провинции. В газете были фотографии И Циньэ: одна в гриме, другая без. Фотографии сопровождались длинным текстом. Секретарь зачитал семье И несколько абзацев. Фрагмент, где говорилось о том, что И Циньэ — уроженка Цзюяньгоу, он подчеркнул красной ручкой и прочёл несколько раз. Он сказал:

— Это значит, что девочка не забыла свои корни! И это правильно: как бы высоко она ни взбиралась, нужно помнить свою малую родину — волость Инцзуй, посёлок Цзюяньгоу. Ваша Циньэ прославилась на весь провинциальный центр — в плане развития экономики нашему посёлку это пойдёт на пользу!

В тот вечер семья уже не могла сидеть на месте. Первым не вытерпел И Цуньгэнь: он сказал, что хочет поехать в главный город провинции повидать свою сестру Чжаоди. Он и сам был в центре внимания: любил прогуливать уроки, устраивать драки и пакостить учителям. Он был только в третьем классе, но уже имел репутацию оболтуса — никто из родителей не хотел, чтобы его чадо с ним дружило. Получив весть о том, что на днях его старшая сестра прославилась своим выступлением в столице, он стал проситься к ней в гости в Сицзин. На самом деле в школе близились годовые контрольные, и ему очень хотелось их пропустить. А вот Лайди искренне хотела повидаться с сестрой. Она мечтала увидеть Чжаоди с тех пор, как её перевели в провинциальный театр, но поездка до сих пор откладывалась.

Слова Гоу Цуниньжуня так расстроили И Циньэ,
что у нее на глазах набернулись слезы.
В то время И Циньэ самостоятельно занималась
и физической подготовкой, и изучением драмы,
но, несмотря на это, она была в некоторой
растерянности.

Лайди уже вышла замуж. Её супруг Гао Уфу хотел заняться бизнесом, но понятия не имел, как его вести. Посоветовавшись, они решили съездить в провинцию, прощупать почву. Как только появился такой замечательный повод, Лайди сразу засобиралась в путь. Но на самом деле больше всех повидаться с Чжаоди жаждала Ху Сюин. Как долго ей снились кошмары, что в центре провинции её младшую дочь обижает всякий сброд, что ей живётся хуже некуда. Сколько раз она просыпалась от этих кошмаров в холодном поту и не могла сомкнуть глаз! Ей во что бы то ни стало нужно было увидеться с дочерью. И Маоцяо, естественно, пришлось бы остаться смотреть за хозяйством. Тем более близилось время, когда с помощью стада можно было неплохо заработать. По дочери он, конечно, скучал, но нужно было и со скотом управляться, и деньги зарабатывать.

На следующее утро четвёрка родственников сначала выдвинулась в волостной центр, а оттуда на рейсовом автобусе отправилась в уездный центр. Они договорились, что сначала встретятся с Ху Саньюанем, предложат ему поехать вместе с ними. Если согласится — будет им проводник. В конце концов, кроме дяди, никто из их семьи не бывал в провинциальном центре.

Когда они приехали в Нинчжоу, дядя безумно обрадовался. Оказывается, на следующий день помимо него в провинцию ехало ещё не менее десяти человек. Все хотели увидеть «Путешествие по озеру Сиху» в исполнении И Циньэ — так сказать, в образовательных целях.

В тот вечер Ху Саньюань пригласил свою родню в лучший ресторан уезда и накормил всех изысканными пельменями. Сразу бросалось в глаза, что Ху Саньюань был очень воодушевлён. По его словам, в последние несколько дней в уезде все обсуждали новость об И Циньэ. По радио целыми днями крутили репортаж о спектакле и фрагменты из него. Уездные чиновники также отправили в провинциальный оперный театр поздравительное письмо.

После пельменного ресторана Ху Саньюань отвёл родственников к тёмному входу в Нинчжоуский оперный театр, где они увидели полотнище, гласившее: «Сердечно поздравляем артистку нашего театра И Циньэ, переведённую в провинциальный театр оперы *цинъюань*, с победой во всекитайском конкурсе театрального искусства!»

Ху Саньюань спросил:

— Видали? Это они специально так написали. Для провинциального театра Циньэ — подарок судьбы. Но ведь она выросла в Нинчжоу. Она досталась им уже зрелой артисткой, понимаете? Нам, местным, немного обидно: это мы должны были отправлять её на всекитайский смотр, а не провинциальный оперный.

Ху Сюин сказала с улыбкой:

— Как бы то ни было, сегодняшней успех Чжаоди — это твоя заслуга.

Ху Саньюаню было очень приятно слышать эти слова. Он улыбнулся, обнажая две своих передних зуба, и ответил:

— И ты туда же! Меня уже все в театре зовут не Ху Саньюанем, а Ху Болэ.

Ху Сюин спросила:

— Что это за дурацкое имя? Почему тебя так прозвали?

Лайди с улыбкой объяснила:

— Бо Лэ — историческая личность. Он хорошо разбирался в лошадях. Это комплимент дяде.

Мать сказала:

— Чжаоди же не лошадь, а человек!

Все засмеялись.

На следующий день Ху Сюин с детьми, зятем, Ху Саньюанем и артистами театра отправилась в столицу провинции. Когда они добрались до провинциального оперного театра, спектакль шёл уже около получаса. Ху Сюин хотела подойти во время антракта к дочери, но Ху Саньюань не дал ей пройти — сказал, мол, сначала нужно досмотреть спектакль, а потом уж встречаться. И пояснил, что, если племянница увидит своих близких, собьётся настрой на выступление.

Билеты бронировались заранее. Говорят, с ними было напряжённо, поэтому на всякий случай забронировали больше мест. Фэн Сяосяо со своей компанией не поехали, и его места достались семье Ху Сюин. Ху Сюин заметила, что многим зрителям не хватило кресел, и они смотрели спектакль стоя, причём до самого конца.

Сегодняшнее выступление было ярче, чем когда-либо.

Как только И Циньэ вышла на сцену, в зале раздались бурные аплодисменты. В середине пьесы зрители рукоплескали после каждого вокального фрагмента. Сюжет ещё не достиг кульминации, а аплодисменты прозвучали уже около сотни раз. Когда дело дошло до сцен «Демоны негодуют» и «Душегубство», зал, в котором было больше тысячи зрителей, стал похож на бурлящий котёл: раскалённый, бушующий жаром, неистовствующий. Некоторые вставали со своих мест и кричали «браво». Некоторые подходили к сцене и кричали: «И Циньэ! И Циньэ! И Циньэ!» При виде неистовавшей публики И Цуньгэнь, привыкший вести себя дома как «великий царь обезьян», ступешался от испуга.

Глава 23

И Циньэ не ожидала, что во втором отделении в зале будут коллеги из нинчжоуского оперного и тем более её матушка, сестра, зять и братик. Она лишь чувствовала, что в зале сегодня накал был ещё больше, чем на любом другом спектакле. Окончив выступление и раскланявшись перед публикой, она побежала в уборную. Зрители продолжали аплодировать, вызывая артистов на поклон — занавес должен был снова открываться, артистка снова должна была выйти на публику, которая бы ещё долго хлопала ей. Но, увы, И Циньэ никак не могла терпеть — не успела она добежать до туалета, как её вырвало прямо

на спину Лю Хунбина, — Лю Хунбин шёл впереди, пробивая ей дорогу. И Циньэ вошла в уборную. Тем временем несколько поклонников поднялись на сцену и стали интересоваться: публика не расходится — почему артисты не выходят на поклон? Что за невоспитанность? Некоторые даже говорили, мол, что, выступили в Чжуннаньхае и теперь носы задираете, да? Для кого же вам выступать, если с рядовыми зрителями вы ведёте себя так высокомерно и грубо? Директору Даню и режиссёру Фэну пришлось долго объяснять недовольным, что И Циньэ тошнит и несколько человек проводили её в уборную. Не верите — сходите и посмотрите сами. Поклонники стали спрашивать, что с актрисой. Директор сказал, что, возможно, это связано с выдуванием огня: при горении канифоли выделяется едкий удушливый дым, да и сама канифоль попадает в горло. Услышав такое объяснение, наконец, один театрал ахнул:

— Ну и работа у актёров! Очень жалко, что после такого прекрасного спектакля не получилось увидеть исполнительницу! Будь спектакль плохим, все бы уже давно разбежались. Послушайте, послушайте: народ до сих пор не расходится!

Аплодисменты внизу не смолкали. Но теперь они звучали синхронно, напоминая топот марширующей роты. Директор Дань доковылял до уборной. Он спросил И Циньэ, как она, и сказал, что, раз публика не расходится, придётся ей снова выйти на поклон. И Циньэ собрала волю в кулак и снова вышла на сцену. Но в этот раз она увидела в зале гостей из нинчжоуского театра. Увидела дядю. А ещё маму, сестру и брата. Все они толпились перед сценой, кричали «браво» и аплодировали. Мать даже громко позвала её по имени:

— Чжаоди! Чжаоди! Чжаоди!

Потом мать подхватила мальчика, И Цуньгэня, и стала кричать ему:

— Это твоя сестра. Позови её! Это твоя старшая сестра! — И тут её глаза затуманились слезами.

Наконец занавес снова закрылся.

Пока И Циньэ снимала грим, артисты нинчжоуского оперного и родня ждали её у дверей театра.

Чу Цзяхэ и Чжоу Юйчжи были двойниками Ли Хуэйнян: не отличить от настоящей! Они вышли на сцену только один раз, в конце эпизода «Душегубство» — меньше чем на минуту. Они изображали предсмертные видения сожжённого Цзя Сыдао. В этом фрагменте освещение было приглушённым, с частыми фосфоресцирующими огоньками, и дым стоял такой густой, что никто не мог разглядеть лиц «двойников». Поэтому их грим был прост в нанесении и легко снимался. Пока И Циньэ снимала свой грим, Чу Цзяхэ и Чжоу Юйчжи уже успели со всеми перездороваться. Как только она вышла, толпа вмиг её окружила. Сначала её все по очереди обнимали, а потом несколько парней подняли её и несколько раз подбросили в воздух. Хуэй Фанлин похлопала её по щекам и воскликнула:

— И вправду красотка! Красотка, красотка! Кто бы ни наносил тебе грим, всё равно в жизни с тобой ни одна богиня не сравнится.

Последней её крепко обняла Ху Цайсян. Учитель Ху плакала без остановки, так горячо и искренне, что из глаз И Циньэ тоже брызнули обжигающие слёзы. Увы, Фэн Сяосяо этой в толпе не было. Только что, стоя на сцене, она искала его глазами в зрительном зале. Она ещё подумала, что это пелена слёз застлала её глаза, поэтому она плохо видела. Теперь она видела всё довольно ясно, но здесь не было и тени Фэн Сяосяо. Она даже немного расстроилась.

Лю Хунбин хлопотал, здороваясь со всеми и каждым, боясь, что артисты нинчжоуского оперного не заметят, какую роль он здесь играл. Он намеренно накинул на плечи И Циньэ пальто, которое в данный момент ей было ни к чему, так чтобы все видели. И Циньэ стряхнула с себя пальто. Он скорчил при всех гримасу, мол, неловко вышло, и намекая на то, что за этим его жестом стоит нечто большее. В этот момент его давние приятели из нинчжоуской труппы стали его ещё больше раззадоривать:

— Братец Хунбин, твоя тёща пожаловала! Разве хороший зять оставит её без внимания?

— Теперь ты можешь называть её своей второй мамой! Да, зови её мамой!

И Циньэ стало так противно, что захотелось увести свою мать. А этот нахал и впрямь крикнул:

— Ма-а-а-ама! — Ещё и растянул гласные, как делают оперные певцы. Лицо Матери И Циньэ расплылась в счастливой улыбке.

И Циньэ дала Лю Хунбину пинка, чем, казалось, ещё больше закрепила за ним образ своего жениха.

Лю Хунбин радушно пригласил всех в самую известную в Сицзине шашлычную — «У старины Ланя». Так уж получилось, что никто из гостей города не обедал, так что все сразу расселись по такси. И Циньэ даже не смогла возразить: гостей было много, и их нужно было как-то развлекать, а она не знала как, поэтому пришлось позволить Лю Хунбину взять ситуацию под свой контроль. Лю Хунбин поймал шесть такси подряд и всех усадил в машины. Автоколонна двинулась прямо к старине Ланю.

Похоже, в шашлычной «У старины Ланя» Лю Хунбин был завсегдатаем. Как только он подъехал, его кто-то издалека его поприветствовал, назвав братом Хунбином. Так как есть шашлыки пришло много народу, хозяин выделил гостям отдельный зал, и в нём разместились сразу все двадцать человек. Лю Хунбин сам по себе был на редкость активным, а в присутствии гостей — тем более среди них были мать, сестра и брат И Циньэ, а также её однокурсники и учителя — он совсем разошёлся. Он начал озвучивать заказ: пять сотен шашлычков из сухожилий, пятьсот — из мяса, пятьсот — из почек, а также десять упаковок пива. Ху Цайсян сказала, мол, что этого будет много — не съедим, на что Лю Хунбин ответил:

— Сегодня уникальный день: собралось столько близких И Циньэ людей — поэтому надо покутить на славу!

Однокурсники И Циньэ зааплодировали и одобрительно крикнули:

— Это точно!

Эти посиделки действительно были чем-то вроде карнавальной ночи. Все по очереди произносили тосты, поздравляли И Циньэ с покорением столицы, благодарили Ху Сюин за воспитание выдающейся дочери, и особенно благодарили «Бо Лэ» Ху Саньюаня — за то, что разглядел «тёмную лошадку», и Ху Цайсян — за доброе сердце и педагогический талант.

У И Циньэ редко бывала возможность так расслабиться и почувствовать себя счастливой. Особенно, чтобы к ней приезжало столько учителей и однокашников, специально чтобы увидеть её выступление и поздравить её — она была очень растрогана и счастлива. Но растроганность растроганностью, радость радостью, а одного человека среди сидящих за столом гостей не хватало, и это не давало ей покоя. Она очень надеялась услышать в застольной беседе хоть какие-то новости о Фэн Сяосяо. Но ни один из гостей его не упомянул. Все говорили только о том, как трудна её работа, и какой она сделала прорыв. Слышать всё это было приятно и полезно, но ей хотелось узнать, чем сейчас занимается Фэн Сяосяо. Все лучшие воспитанники нинчжоуского оперного организованно приехали в столицу провинции — как он мог не приехать? В разгар беседы, чтобы подколоть не смолкавшего Лю Хунбина, Чу Цзяхэ спросила:

— Кстати. А почему Сяосяо не приехал? Уж он-то в первую очередь должен был поддержать И Циньэ: они ведь были идеальными партнёрами в любовных сценах!

Ху Цайсян сказала:

— Это точно. Мне кажется, И Циньэ всё-таки должна играть вместе с Сяосяо. Сегодняшний Пэй Лан гораздо хуже нашего Сяосяо! Во-первых, далеко не так красив, во-вторых, староват. Наша Циньэ совсем молодая, а у того мешки под глазами — какая он ей пара!

Кто-то добавил:

— И задница жирновата — при ходьбе сильно в глаза бросается.

Тут Лю Хунбин вставил своё словечко:

— Лучше, когда партнёр постарше. Не согласен, чтобы в паре с ней играл слишком молодой актёр. В этом спектакле всё внимание должно быть приковано к нашей Хуэйнян.

Все засмеялись. Чжоу Юйчжи повторила вопрос:

— А всё-таки почему Сяосяо не приехал? Он должен был поехать!

Кто-то сказал:

— Сяосяо уже не тот, что раньше. Уж не знаю почему, но этот парень целыми днями пьёт. Стал почти как Хао Дачуй. Разве что крыс не поджигает.

И Циньэ была шокирована. Как он докатился до такой жизни? Неужели это из-за неё?

Кто-то сменил тему:

— Что говорить о Сяосяо! Человек вообще меняется быстро. Порой в мгновение ока и до неузнаваемости. Вот, например, Циньэ: не успела перевестись в столицу — а уже «заняла трон принцессы оперы *цинъюань*». Это не мои слова — так написано в газетном заголовке. Это просто какая-то магия, которую мы, её однокурсники, не можем понять!

Затем последовала очередная волна тостов за «маленькую королеву оперы *цинъюань*». И Циньэ дала себе волю и тоже немного выпила. Она почувствовала, что в этот момент лёгкое опьянение было ей необходимо.

Мероприятие прошло ровно так, как и предсказал Лю Хунбин: несколько человек действительно напились так, что повалились под стол. Тогда Ху Саньюань и Ху Цайсян сказали, что пора и честь знать.

Пока все пили, Лю Хунбин решил вопрос с ночлегом. Мать, сестра и брат изъявили желание остаться на ночь с И Циньэ. Остальных Лю Хунбин разместил при бэйшаньской канцелярии.

Когда И Циньэ привела мать и сестру в арендованную комнату, те, увидев её жильё, были в восторге. Младший брат впервые в жизни увидел телевизор и смотрел его с раскрытым

от изумления ртом. Гости уселись на кровать и стали рассказы-
вать о своём житье. Сначала разговор зашёл об отце. Матушка
сказала:

— Твой отец теперь жив-здоров, и дела у него идут на лад.
За последние несколько лет развёл целое стадо коз — круче
главы сельсовета стал! Теперь к нему то один, то другой за со-
ветом обращается.

И Циньэ спросила, как он этого добился. Матушка ответила:

— Пусть лучше твоя сестра объяснит. Я рассказывать складно
не умею.

Старшая сестра сказала:

— У нас ведь в стране в последние годы ориентир на при-
умножение семейного благосостояния. В каждом районе свой
подход, у каждого начальника свой метод. У нас, в Нинчжоу,
например, предыдущие два года в основном заготавливали та-
бак. А недавно сменился глава уезда, и теперь начали разводить
бурских коз. Это завозная порода, и многие фермеры не хотят её
разводить. Но сверху предъявляют жёсткие требования и следят
за их выполнением. И отцовским козам нашлось отличное при-
менение — он сдаёт их в аренду. Сегодня они в одной волости,
завтра в другой — помогают фермерам обмануть инспекторов,
считающих поголовье скота. Аренда одной овцы стоит три юаня
в день, кроме того, арендующий должен хорошо её кормить.

Мать подхватила:

— И отцу пир устроить.

Братик тоже вставил слово:

— А папа, что останется, домой приносит — мне и маме!

— Ух, длинный у тебя язык! — мать шлёпнула мальчишку
и продолжила:

— Козы-то наши хорошо едят: каждый день соевыми бобами
питаются. Твой отец тот ещё мошенник: всем говорит, что его
козочки едят только отборные соевые бобы, накормишь чем-ни-
будь другим — они перед инспектором будут стоять вялые,
невесёлые. И фермеры кормят их соей! А ещё отец говорит,

мол, как бы эти козочки понравились нашей Чжаоди, если бы она их увидела! Холёные, лоснящиеся, на спине жир толщиной в три-четыре пальца! — Сказала матушка и расхохоталась, а вслед за ней засмеялась и старшая сестра.

После разговора об отце речь зашла о Лю Хунбине. И Циньэ не хотела о нём говорить, но матери с сестрой было очень интересно обсудить своего потенциального зятя — такого забавного и колоритного. Во время посиделок в шашлычной они услышали о том, что Лю Хунбин — сын важного чиновника! Мать стала спрашивать, что это за чиновник и выше ли он по должности по сравнению с волостным начальником. Старшая сестра пояснила, что выше. Мать в изумлении цокнула языком и сказала:

— Уж не знаю, сколько предки рода И сожгли благовоний, что на долю их потомков выпало столько счастья! Жених хоть куда: и происхождение хорошее, и талантлив, и красив, широкой души, да ещё и обходительный, вежливый донельзя! При всех раза три или четыре назвал меня мамой! Пусть даже в шутку, но мне, всю жизнь проторчавшей то на кухне, то в овчарне, то в свинарнике, всё равно приятно — какая честь!

Но именно это заставило И Циньэ возненавидеть Лю Хунбина ещё больше. Вечером, на глазах у стольких гостей, он раз за разом обращался к её матери как к своей тёще — звал мамой! Понятно, что он был уверенным в себе и в своём превосходстве над другими, поэтому и позволял себе эти фамильярные шутки. Разве в обычной жизни зять посмеет лишний раз обращаться к тёще, называя её мамой? А он это делал, да ещё и очень нарочито, с утрированно-театральной интонацией. Ей хотелось подойти и надавать ему пинков. Но мать была вовсе не против его шуток, ещё и нахваливала Лю Хунбина, говоря, мол, ах, какой богатый и влиятельный молодой человек, да как уверенно держится в такой большой компании. Она советовала дочери «братъ быка за рога». Да и старшая сестра вторила:

— Какой замечательный парень: из хорошей семьи, ладно сложен, красив лицом, приятен в общении. Сестра, если бы ты

не стала известной благодаря опере, боюсь, тебе бы никогда в жизни не встретился такой прекрасный человек. Ещё и замуж зовёт! Тебе чертовски повезло!

Что бы И Циньэ ни говорила, ей твердили, что она чересчур мало думает о делах сердечных: мол, упустишь счастье — второго шанса не будет. Даже младший брат, И Цуньгэнь, и тот поучал её:

— У тебя жених лучше, чем муж Лайди: красивый, как те, которых по телевизору показывают.

И Циньэ, боясь, что эти слова обидят старшую сестру, одёрнула братика. Сестра сказала:

— Цуньгэнь правильно говорит: куда моему мужу тягаться с Лю Хунбином. Мой муж — простой торговец лекарственными травами. У него прозвище «мелкий спекулянт». А твой может достать и цветной телевизор, и холодильник, и вентилятор. Мой муж и Лю Хунбин совсем в разных категориях — неуместно их сравнивать. Мой сегодня вечером был на седьмом небе от счастья, оттого что в кои-то веки встретил человека, добившегося успеха, и уже настроился, что будет брать пример со своего будущего свояка.

Мать добавила:

— Лайди, ты не обижайся, но вот что меня удивляет: кормила я вас одинаково, а счастье привалило только одной из дочерей!

Что бы И Циньэ ни говорила, её близкие отвергали все её аргументы и критиковали её. И она поняла, что спорить с ними бесполезно. Тогда она сказала:

— Давайте спать.

Но мать была вся в состоянии душевного подъёма. Она уже мечтала о зяте и о внуках. И Циньэ это так злило, что она выключила в комнате свет. Мать, сидя в темноте, посмеялась и сказала:

— Вот ты выключила свет, а я всё равно хочу внуков. От тебя и от этого парня. У такой прекрасной пары и дети будут выдающимися.

Старшая сестра, смеясь, тоже сказала:

— И не затягивай с этим делом. В конце году ждём свадьбу!
Братик Цунгэнь шумно, точно выстрелил из пушки, испортил воздух. Мать толкнула его под зад:
— Ах ты, обжора! Не знаешь меры! Опять объелся!

Глава 24

Той ночью И Циньэ не могла уснуть. Она снова думала о Фэн Сяосяо. Она чувствовала, что всё ещё любит его. И любит очень сильно. Когда она услышала, что Сяосяо стал почти как Хао Дачуй, разве что крыс не поджигает, у неё на душе остался неприятный осадок. Сяосяо любил её тихо и ненавязчиво. Каждый хмурый взгляд, каждая улыбка его были наполнены любовью. Возможно, это тихое, незаметное, слишком хрупкое чувство было уязвлено и разбито её отъездом из Нинчжоу. Как эта робкая, вечно прячущаяся любовь могла противостоять лобовой атаке напористого Лю Хунбина? Ей вдруг захотелось узнать о Фэн Сяосяо всё-всё-всё, но спросить было не у кого. Она ждала рассвета. Когда рассветёт, можно будет спросить дядю. Ху Саньюань был единственным человеком, кого она спросить что угодно. В эту ночь её мучила, вероятно, сильнейшая за последние несколько лет бессонница. Она переживала из-за Сяосяо. Она даже тихонько шептала его имя. Неужели она причинила боль человеку, которого любила? Если Фэн Сяосяо действительно станет таким, как Хао Дачуй, то она себе этого не простит.

На следующее утро пришёл дядя и сообщил, что все собрались за покупками. Младший брат тоже заявил, что пойдёт вместе со всеми. И Циньэ сказала, что последние несколько дней у неё были выступления, а сегодня она не выспалась, поэтому выходить на улицу пока не рискнёт, чтобы не простудиться — пусть идут гулять без неё.

Все ушли, а она затеяла разговор со своим дядей. Дядя подробно рассказал ей о том, как шли дела в театре. После её ухода

всё стало печально, воцарился хаос. Особенно жалко было встретить на Чжу Цзижу: он совсем приуныл. На каждом собрании жалуется на жизнь и говорит, что больше никого не будет обучать: уездный театр тратит столько сил, чтобы воспитать хорошего актёра, а его потом забирают: если не в районный театр, так в провинциальный. Какой нам интерес работать, если потом остаётся ни с чем? Необычно и то, что в последнее время у старины Чжу пошатнулось здоровье: целыми днями кашляет, сильно постарел. Однажды старина Чжу пожаловался мне:

— Племянница твоя неблагодарная: столько людей из коллектива пришлось обидеть, чтобы раскрутить её! Даже членом Постоянного комитета уездного НПКСК её сделал, дал возможность сидеть за одним столом с председателем, назначил своим заместителем вопреки принятому порядку, но и этим не удалось её удержать. Некоторые из старых товарищей уже возмущаться стали, мол, что ты, Цзижу, время попусту тратишь: вкладываешь силы в молодые таланты, а их потом от тебя уводят. Что на это ответишь? И я перестал продвигать молодых артистов. Отчитался перед начальством и решил, что больше не хочу так работать: не могу больше мириться с тем, что провинциальный театр забирает у нас лучших актёров.

Столько было в тебя труда вложено, а они в два счёта тебя увели и теперь представляют как воспитанницу провинциального театра! Сами-то не умеют обучать артистов — только у других обирают. Ни стыда, ни совести. Ты превосходно выступила, и это его заметно воодушевило. Иначе он бы не повесил на здании театра полотнище со словами: «Сердечно поздравляем артистку нашего театра И Циньэ, переведённую в провинциальный театр оперы *цинъюань*, с победой во всекитайском конкурсе театрального искусства!». Текст придумал сам директор Чжу. После новости о твоей победе многие стали проситься к нам на обучение, но он никого не берёт. Наотрез отказался набирать новых учеников. Сказал, чтобы мы съездили тебя поддержать аплодисментами, ты ведь всё-таки воспитанница нинчжоуского театра.

От этих слов И Циньэ стало очень грустно и совестно. Директор Чжу очень для неё старался. Он всегда напоминал ей дедушку. Даже несмотря на то, что тот умер, когда ей было семь или восемь лет. Когда она уходила высоко на гору пасти овец, как только погода менялась, дедушка нёс ей бамбуковую шляпу и дождевик, чтобы она не промокла. Когда выпадал снег, он приматывал к её обуви подкладки, чтобы не скользила. Дедушка ушёл в мир иной, отец и мать были заняты — никто больше не приносил ей ни бамбуковой шляпы, ни дождевика, никто не делал для неё нескользящие подошвы. Она чувствовала себя так, как будто снова лишилась дедушки. Директор Дань, конечно, тоже о ней заботился, но до директора Чжу, который был ей как дедушка, ему всё-таки было далеко.

Разговор был довольно долгим. Наконец дело дошло и до Фэн Сяосяо. Дядя сказал:

— Этот парень, возможно, уже совсем пропал. Раньше был такой послушный. Я уже воображал, что вы будете неразлучным дуэтом. Но он теперь стал совсем другим человеком. Я пытался его вразумить, но не получилось. В него будто вселился демон. Целыми днями пьёт. Глаза будто стеклянные, и ведёт себя как спятивший. Плохи его дела, плохи, плохи.

Одна половина дядиного лица, как обычно, была темнее другой, и, чтобы губы скрыли выпирающие передние зубы, требовалось усилие.

И Циньэ был ошеломлена. Внезапно ей на ум пришла реплика Ли Хуэйнян, адресованная Цзя Сыдао: «Старый плут, твоя вина поистине велика!»

Разве не велика была её вина перед Сяосяо?

После просмотра спектакля гости из Нинчжоу ещё денёк погуляли, а потом большая часть уехала. Её дядя, учитель Ху Цайсян и другие учителя остались: они хотели прикупить для коллектива костюмы, реквизит, гонги, барабаны и тому подобное. Лю Хунбин спросил И Циньэ:

— Ху Цайсян — это жена твоего дяди?

И Циньэ сказала, что нет, и спросила, с чего он это взял. Он загадочно улыбнулся и сказал:

— Да так. Но ничего: все мы живые люди, всё понимаем.

И Циньэ пнула его и спросила, с чего, в конце концов, он взял, что они живут как супруги. Наконец он сказал:

— Они вдвоём кое-чем занимались, а их увидел работник, обслуживающий номера. Но я всё уладил.

Ху Сюин, сидевшая рядом, услышала эти слова и сильно разозлилась на своего младшего брата. Вечером, когда Ху Саньюань вернулся, она отругала его прямо в лицо:

— Бесстыжий! За столько лет так и не отучился прелюбодействовать! Всё с замужней женщиной спишь. Думаешь, так будет продолжаться вечно? А найти себе жену тебе в голову не приходило? Взял бы себе хоть вдову какую-нибудь, женился бы на ней, прежде чем на кан с ней ложиться, чтобы всё было по-людски. Самому уже за сорок, а всё никак не остепенишься — предков своих позоришь!

Ху Саньюаню было недосуг объясняться с сестрой, и он сменил тему. И Циньэ не решилась задавать ему вопросы. Но она считала, что если дядя и дальше будет путаться с учителем Ху, то рано или поздно у него опять будут проблемы. От учителя Ху она узнала, что предприятие, в котором работал её муж, Чжан Гуанжуна, полностью развалилось, и теперь тот был в поисках работы. Дядя Гуанжун был очень трудолюбивым: в этом плане Ху Саньюань ему сильно уступал. И Ху Цайсян не имела намерений с ним разводиться. Она то называла его мужем, то звала по имени и фамилии. Так они и живут год за годом в любовном треугольнике. Неужели всё так и будет продолжаться?

Дядя и другие остались ещё на два дня. Купили вещи, посмотрели ещё два спектакля и потом тоже уехали.

Перед уходом дядя отвёл племянницу в сторону и сказал:

— От Фэн Сяосяо, как мне кажется, проку уже никакого не будет. Раньше мне не нравился этот Лю Хунбин, но теперь

я понаблюдал за ним и думаю, что не так уж он и плох. В любом случае, думать тебе. В последние годы спрос на хороших парней среди женщин особенно высок. Нужно поскорее захомутать себе парня, иначе шестнадцатилетние всех разберут. Может статься так, что выбирать будет не из кого.

Учитель Ху Цайсян сказала:

— Не слушай руководство театра. Оно запрещает иметь романтические отношения, рано выходить замуж и заводить детей, чтобы подольше тебя поэксплуатировать, заставить тебя отдать свою молодость театру. Вот отдашь всю молодость, а дальше живи как хочешь. И директор театра тебе уже ничем не поможет. Разве ты не знаешь, в каком обществе мы сейчас живём? Думаешь, можно и дальше затягивать? Пройдёт несколько лет, и тебе придётся довольствоваться остатками. Достанется тебе какой-нибудь коротышка, а то и вовсе какой-нибудь уродец вроде твоего дяди...

Дядя огрызнулся:

— Да что ты! А сама-то что, красавица писаная? Задница размером с два жёрнова, а то и больше.

— Иди отсюда! Не нравится задница жены — так не смотри! *(снова обратившись к И Циньэ)* ... да ещё и бедный — ни кола ни двора. В общем, как ни крути, остатки не сладки. Не дай руководству себя одурачить, все начальники — мошенники. Чем дольше наблюдаю за Лю Хунбином, тем больше он мне нравится. Сошлась бы с ним и дело с концом. Нагловат, конечно, но он столько времени к тебе клеится и не отстаёт, а этого дорогого стоит. Если он так терпеливо тебя ждёт, значит, следует отдать ему своё сердце.

Родственники пробыли в гостях у И Циньэ больше недели. Они каждый день ходили на спектакли. Спрос на билеты с каждым днём только возрастал, и достать их становилось всё труднее. Самой И Циньэ выделяли не более двух билетов в день. Бывало и так, что все места оказывались заняты — даже одного билета нельзя было выпросить. Но Лю Хунбин всегда

умудрялся их раздобыть. Он любил разглагольствовать перед своей «тёщей»:

— Даже если зал полон, неужели не найдётся табуреточка для матушки «принцессы оперы *цинъюан*»? Для Вас вообще в самой середине должен стоять диван, чтобы Вы могли смотреть представление лёжа на почётном месте. Вы же мать принцессы оперы *цинъюан*! Значит Вы — королева! Ни будь королевы, откуда бы взялась принцесса? А ни будь у нас принцессы, мы бы все смотрели спектакль не про Западное озеро — Сиху, а про Восточное!

Каждый раз, когда он так говорил, мать И Циньэ смеялась — не до слёз, так до колик. Естественно, каждый вечер мать капала И Циньэ на мозги, чтобы та как можно скорее вознаградила Лю Хунбина взаимностью. Мать говорила:

— Твой дядя прав. Будь осторожна: как бы молоденькие обольстительницы не увели у тебя парня! Девки не успевают толком созреть, а уже к делу приступают. Глазом не успеешь моргнуть, как они все пампушки расхватывают, а тебе даже хлебных крошек не достанется.

Наконец мать с детьми уехали. Лю Хунбин лично отвёз их на машине. И Циньэ не хотела, чтобы он это делал, но мать настояла:

— Пусть нас Бинбин отвезёт, — мол, мы же одна семья — чего ты переживаешь? И Циньэ было неловко спорить, и Лю Хунбин повёз их.

Вечером того дня, когда уехали мать и сестра с братом, на спектакль пришёл особый гость — Цинь Бава. Тот самый, к которому директор Чжу водил её, когда она выступала в Бэйшане. Тот самый, которого директор просил сочинить для неё пьесу. Цинь Бава готовился написать сценарий специально для И Циньэ. Оказалось, что в провинциальном центре он пользовался большим авторитетом. Когда он приехал, руководители Провинциального театра оперы *цинъюан* лично пригласили его на спектакль как почётного гостя.

Глава 25

Напомним, что это Цинь Бава придумал сценический псевдоним И Циньэ.

Ещё при первой встрече Цинь Бава понял, что эта девчонка может стать знаменитой.

Он заметил в ней несколько особенностей.

Во-первых, она была красива. Но не просто красива, а необычайно красива. Было удивительно, как в глухой деревне могла родиться девочка с такой высокой переносицей, такими живыми глазами и такими выразительными чертами, и формой лица. Но теперь она стала взрослой девушкой. Кто-то сравнивал её со звездой зарубежного кинематографа, но Цинь Бава этого сходства не видел. Он был уверен: это наш ребёнок, родившийся и выросший среди гор и оврагов. Её родители, вероятно, никогда в жизни не видели иностранцев, так почему же все утверждают, что она метис? Разве у китайских родителей не может родиться ребёнок с высокой переносицей? Он считал, что И Циньэ была чистокровной китаянкой. И очень красивой — хоть в гриме, хоть без. Но то была красота скромности, красота застенчивости, красота смирения, красота традиции — именно та всеобъемлющая красота, необходимая для китайской национальной драмы. Особенно его впечатлило то, как она прикрывала рот тыльной стороной ладони. Этот непринуждённый жест выдавал в девочке врождённый талант исполнительницы женских ролей *дань*. Цинь Бава не любил многолюдные мероприятия, но, посмотрев по приглашению Чжу Цзижу первое выступление И Циньэ в Бэйшане, он посмотрел спектакль ещё несколько раз подряд. Жена его даже немного приревновала к молодой актрисе. Но Цинь Бава ничего не мог с собой поделать: невозможно было отказать себе в красоте. Нет, правильное сказать — в эстетическом наслаждении. Он постоянно подчёркивал: в эстетике. Но его супруга, готовившая тофу, утверждала, что он ходит туда истекать слюной и фантазировать о молодой

невесте. Но, как бы жена ни фыркала, он всё равно ходил смотреть на И Циньэ.

Вторая особенность И Циньэ заключалась в том, что она хорошо владела кунг-фу. На бэйшаньской сцене она продемонстрировала гибкость, пластику и силу. Цинь Бава считал, что давнее высказывание об И Циньэ как о девушке сексуальной и талантливой было безошибочным. Ведь многие специалисты из Пекина сказали то же самое! Если актрисе недостаёт сексуальности, это всегда будет чувствоваться. А главное, И Циньэ была хороша и в кунг-фу, и в пении, то есть была актрисой-универсалом. Об этом стали говорить вскоре после перевода её в столицу провинции. Цинь Бава сочувствовал труппе нинчжоуского оперного, но вместе с тем был рад за И Циньэ. Он сразу понял, что Нинчжоу и Бэйшань — не её уровень. Он был уверен, что И Циньэ покорит провинциальную сцену, но не ожидал, что это произойдёт так скоро. Она стала известной артисткой в мгновение ока. Цинь Бава увидел фото И Циньэ в газете и по телевизору, услышал её голос по радио и понял, что эта была та самая И Циньэ, которая не так давно была у него в гостях. Придуманный им псевдоним понравился публике и мгновенно стал известным. Он даже вздохнул с чувством выполненного долга. Цинь Бава решил, что ему во что бы то ни стало нужно съездить в провинциальный центр, посмотреть «Путешествие по озеру Сиху» и узнать, настолько ли хороша Ли Хуэйнян, как утверждается в газетах, по телевизору и радио. Чтобы понять, есть ли ради чего рваться в театр.

Когда он готовился к поездке, жена, сгущая будущий тофу гипсом, спросила, зачем тот едет. Он сказал, что едет на собрание. Жена сказала, мол, какое к чёрту собрание — наверное, едешь пялиться на молодую актрису. За последние несколько дней она много раз слышала упоминания об И Циньэ. Вся волюсь только о том и говорила, что И Циньэ выступила в столице с пьесой «Путешествие по озеру Сиху» и это был настоящий успех. Жена бормотала: хочешь ехать — поезжай, никто тебя

не держит. Иногда он ездил по разным уездам, собирая и записывая народные песни, много дней не появляясь дома. Если кто-то спрашивал, куда подевался старина Цинь, жена ворчливо отвечала: «Помер». Он добился больших успехов в упорядочении народных песен и поговорок, а также в сочинении пьес и сказок. Культурный центр района Бэйшань и Провинциальный художественный музей, ценившие его как специалиста, давно уже зазывали его к себе на работу, но он любил свободу, ценил возможность приходить на работу и уходить, когда хочется, поэтому не соглашался переводиться. Отказ идти на повышение только прибавил ему известности. Даже руководители культурных учреждений провинциального уровня приезжали к нему в Бэйшань, чтобы обсудить с ним вопросы, касающиеся культуры. Супруга никак не могла на него повлиять. Когда он собрался в провинцию, она лишь проворчала: «Чтоб тебя!»

Приехав в главный город провинции, Цинь Бава отправился напрямик в театр. Он не стал напрягать И Циньэ, а купил билет у перекупщиков. Изначально билет в партер стоил один юань и два мао, но ему пришлось заплатить три юаня. Ему нужен был билет на хорошее место, чтобы видеть все тонкости актёрской игры. Только так можно увидеть оперу. Если зритель не видит мимики актёра, то он пришёл не на драму, а на акробатическое шоу. Посмотрев спектакль в первый раз, Цинь Бава не стал подходить к И Циньэ. Он заселился в ближайшую к театру частную гостиницу и занялся осмыслением увиденного. Разобравшись и составив общее впечатление, он достал билет на следующее представление. Посмотрев пьесу три раза, он решил: вот теперь можно и встретиться.

После окончания спектакля он отправился в закулисы. Цинь Бава, по природе своей человек простой, был одет в традиционную китайскую рубашу и матерчатые туфли с круглым носком. На макушке его была небольшая залысина. Своей походкой он напоминал утку, шлёпающую вразвалочку по воде. Кто-то преградил ему путь и спросил, кого он ищет. Он сказал, что идёт

к И Циньэ. Человек сказал, чтобы тот приходил завтра, так как зрителям вход за кулисы запрещён. Тогда он назвал своё имя. Молодой человек не знал, кто такой Цинь Бава, и счёл это имя довольно забавным. А директор Дань и режиссёр Фэн сразу же встрепенулись. Режиссёр воскликнул:

— Цинь Бава! Это же знаменитый драматург нашей провинции! Автор пьес, по которым в пятидесятых снимали фильмы! В последние годы мало кому удавалось добиться встречи с ним, а тут он сам, собственной персоной!

Через несколько мгновений директор Дань доковылял до Цинь Бава и схватил его за руку, прямо как персонаж Лэй Ган схватил руку партийного комиссара Кэ Сяна, и, радуясь его приходу, словно благодатному дождю после засухи, воскликнул:

— Какая честь! Вы посетили нас!

Цинь Бава с лёгкой улыбкой сказал:

— Я бы хотел встретиться с И Циньэ.

Директор Дань и режиссёр Фэн проводили его за кулисы, в гримёрную.

После стольких выступлений И Циньэ уже не тошнило. Теперь она могла выходить на поклон публике сколько угодно.

И Циньэ снимала грим. Директор Дань окликнул её:

— Циньэ, смотри, кто к тебе пришёл!

Обернувшись, И Циньэ увидела господина Цинь Бава.

Она вскочила и поприветствовала его:

— Учитель Цинь!

Цинь Бава сказал:

— Ты занимайся своими делами, я подожду. Я уже три раза посмотрел твоё выступление.

Директор Дань засуетился:

— Господин Цинь, что ж Вы раньше не сказали! Мы бы для Вас билеты организовали.

— Я же не начальник какой-нибудь — могу и сам себе билет купить, чтобы всё по-настоящему. Кто хочет посмотреть драму, тот должен сам покупать билеты, тогда это приобщение

к искусству. А если тебе подарят билет и пропустят по приглашительному, это как будто пришёл безбилетным.

Все засмеялись.

Режиссёр Фэн сказал:

— Милости просим: проинспектируйте наш спектакль.

— Пусть этим начальство занимается. Инспекция — это не по моей части., — сказал Цинь Бава и махнул рукой.

Директор Дань сказал:

— Вы ведь великий драматург, кому как не Вам обозреть и оценивать спектакли. Мы с режиссёром Фэном буквально вчера вспоминали Вас и говорили о том, что надо бы съездить в Бэйшань и пригласить Вас. Но мы боялись, что Вы откажетесь к нам ехать. Мы в курсе, что Вы обычно не покидаете деревню Циньцзяцунь и в мероприятиях провинции не участвуете. Бывало, на стол ставили кувертку с Вашим именем, но Вы не удостоили приглашавших своим визитом.

— Какое уж там удостоить! Я столько лет ничего не писал — зачем мне появляться на конференциях? Чтобы поесть бесплатно что ли? Не имея новых сочинений, я стыжусь попадаться людям на глаза.

Режиссёр Фэн сказал:

— Одних Ваших предыдущих работ достаточно, чтобы до конца жизни ничего не делать: они Вас и так прокормят.

— Нет, так нельзя, нельзя. Так бывает только в книжках, в жизни — нет.

Директор сказал:

— Господин Цинь, Вы посмотрели выступление И Циньэ, и мы хотели бы попросить Вас написать для неё пьесу. Она ведь очень хорошая актриса — пришло время сыграть в пьесе, созданной специально для неё. Как ни крути, но, я считаю, Вы самый подходящий, самый надёжный и самый авторитетный человек, который мог бы это сделать.

— Я всё-таки убрал бы слово «самый». Не люблю это слово. Потому что оно применимо и к чему-то очень плохому.

Остроумие Цинь Бава снова всех позабавило.

Пока продолжался этот разговор, директор Дань успел назначить человека, который сходит в хуэйминьский квартал на улице Сидацзе и закажет ужин. Цинь Бава сказал, что поздно вечером никогда не ест, но сотрудники театра уже усадили его в машину. В машине директор Дань спросил, как ему «Путешествие по озеру Сиху». Цинь Бава долго молчал. И Циньэ заперезживала. На самом деле, она не знала, насколько авторитетным был Цинь Бава, но, судя по тому, как о нём отзывались директор нинчжоуского оперного, Гу Цуньсяо, директор Дань и режиссёр Фэн, этот человек был совсем не простым — все его очень уважали. Когда его спросили, как ему тот фрагмент, когда весь зал «браво», он, вопреки ожиданиям, не проронил ни слова, и тогда всем сидевшим в машине стало совсем не по себе. Но Цинь Бава быстро сменил тему:

— Столь поздний час, а на улице ещё светло! Вот что значит провинциальный центр! У нас, в деревне, в это время все уже носом клюют.

Все снова заулыбались.

Когда группа добралась до хуэйминьского квартала, на улицах зажглись фонари, и стало ещё светлее. Людей было столько же, сколько и у входа в театр, и казалось, что все они пришли на представление. В канцелярии театра выбрали лучшую лавку с шашлыками. Ещё несколько человек подсуетились и набрали поблизости знаменитых хинкалей, *хуньтуней*, жареных куриц семьи Лю, свинины на парú с рисовой мукой, известной под названием «маленький домик», широкой лапши семьи Цзинь с кунжутной пастой. Откуда ни возьмись появился Лю Хунбин с привезёнными издалека императорскими пельменями. Это тоже было очень известное традиционное кушанье. Цинь Бава воскликнул:

— Вы меня на убой что ли откормить решили? Я столько не съем. Больше ничего не несите.

Компания ужинала и обсуждала кушанья, предлагаемые в хуэйминьском квартале. О драме никто больше не заикался. В самом конце Цинь Бава сам заговорил на эту тему: